

⁵ См.: Доклад Екатеринбургской уездной земской управы по мероприятиям против азиатской холеры // Зап. Екатеринбург. мед. о-ва. 1893. Вып. 1. [Прил.] С. 5—6; *Милевский*. О чуме рогатого скота и сибирской язве на лошадях и других домашних животных // Сб. Перм. земства. 1877. Кн. 5. Пермь, 1877. Отд. 3. С. 1.

⁶ См.: *Селезнева В. Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 51.

⁷ *Красноперов Е.* Гусеница и ее миф — облачный червь // Сб. Перм. земства. № 11. Пермь, 1884. С. 210.

⁸ *Дягилев А.* Кое-что о наших эпизоотиях // Там же. Кн. 4/6. Пермь, 1876. С. 95—103.

⁹ *Красноперов Е.* Указ. соч. С. 210.

¹⁰ *Милевский*. Указ. соч. С. 28.

¹¹ *Красноперов Е.* Указ. соч. С. 215.

¹² Там же. С. 212.

¹³ *Милевский*. Указ. соч. С. 19, 23.

¹⁴ Там же. С. 28—29.

¹⁵ *Красноперов Е.* Указ. соч. С. 211.

¹⁶ Работы статистического бюро: Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии Шадринского уезда // Сб. Перм. земства. Кн. 2. Пермь, 1880. С. 176.

¹⁷ *Чижев П.* Город Илецкая защита // Оренбург. епарх. ведомости. 1903. № 15. С. 533—534.

¹⁸ *Золотов*. Санитарный обзор по северному врачебному участку за 1887/88 г. // Отчеты XIX очередному Чердынскому уездному земскому собр. зем. врачей по мед. и ветеринар. части за 1887/88 г. Пермь, 1889. С. 17.

О. С. Поршнева

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Феномен интеллектуальной культуры исторической эпохи тесно связан с категорией ментальности, определяющей способность человеческого сознания воспринимать мир в определенных формах и пределах, заданных культурой и ее архетипами. История

ментальностей как одна из составляющих интеллектуальной истории в ее современном понимании предполагает изучение базовых психологических и ценностных установок, стереотипов восприятия действительности и представлений, мыслительных привычек индивидов и групп, определяющих их социальное поведение. Ментальность не включает в себя всего содержания сознания рассматриваемой общности в ту или иную эпоху, определяя скорее базовые механизмы его функционирования, фундаментальные проявления. Их специфика определяется бытованием в том или ином обществе определенных мыслительных стереотипов, автоматизмов сознания, интеллектуальных привычек, которые лежат в основе интеллектуальной культуры. Эти способы восприятия мира определяются мыслительным инструментарием, выработанным культурой и эволюционирующим в определенную историческую эпоху под влиянием предшествующего опыта и «вызовов» культурно-исторической ситуации.

Ментальный контекст интеллектуальной деятельности является частью ее социального контекста в широком понимании, который Л. П. Репина определяет как «культурно-историческую ситуацию, задающую не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения»¹. Одним из значимых условий устойчивости базовых ментальных комплексов является тот факт, что коренные представления людей о мире складывались и увековечивались в недрах определенных социальных коллективов, в которых протекала их жизнь, а устойчивость традиционной ментальности находила себе почву в традиционности этих общественных групп². В России такой чрезвычайно устойчивой социальной общностью была крестьянская община, в рамках которой проходила жизнь бесконечной череды поколений россиян, подавляющее большинство которых вплоть до конца 1920-х гг. составляли крестьяне.

В статье рассматривается влияние базовых представлений крестьян и изменений в условиях их существования на сознание и поведение крестьянства в условиях индустриальной модернизации конца XIX — начала XX в. Актуальность обозначенной проблемы определяется тем, что судьба буржуазной модернизации, специфика социальных трансформаций в России в рассматриваемый

период во многом определялись изменениями в социокультурном облике и менталитете крестьянства.

Российское крестьянство в начале XX в. по-прежнему составляло абсолютное большинство населения страны, во многом определяя лицо общества. В социальной структуре населения на его долю приходилось около 78 %, в том числе в Европейской России — 84,16 %³. Всего же в России в сельской местности в 1913 г. проживало 85 % населения, в том числе в Европейской России — 85,6 %, в Сибири — 88,1 %⁴. По данным переписи 1897 г. в национальном составе России преобладало русское население (47 %), а русские, украинцы и белорусы составляли 71 % населения империи, при этом абсолютное большинство каждой национальности составляли крестьяне⁵. Основным типом социальной организации крестьянского хозяйства земледельческого центра и других районов с аграрным перенаселением было традиционное семейное хозяйство, интегрированное в поземельную общину. В начале XX в. главная часть надельной земли использовалась по принципу общинного землепользования: из 136,9 миллионов десятин на общинное пользование приходилось 114,1 миллионов⁶. Крестьянское сословие, окончательно сформировавшееся лишь в пореформенный период, несмотря на его включение в общегражданское правовое поле, в начале XX в. сохраняло свою обособленность. Превращение крестьянства в класс земельных собственников и самостоятельных хозяев до революции 1917 г. так и не завершилось⁷.

Сохранение общины как основной социальной ячейки в деревне определяло не только жизненный уклад подавляющей части ее населения, но и устойчивость архетипов общинной ментальности. Как показали Л. В. Данилова и В. П. Данилов, общинный архетип с присущими ему формами сознания на доиндустриальных стадиях лежит в глубинной основе всего социального организма, а в индустриальных обществах, уже изживших общину как структурный элемент, общинное начало в «снятой» форме присутствует в общественных отношениях⁸.

Единство и взаимозависимость природных и социальных условий существования крестьянства определяли стойкость мифологического способа восприятия им действительности. Российские

крестьяне в начале XX в. сохраняли языческие верования и обряды, которые уживались с особым типом христианской религиозности. Церковные архиереи в своих епархиальных отчетах указывали на обилие суеверий и предрассудков в крестьянской среде как одну из отрицательных сторон народной нравственности⁹. В литературе довольно много написано об особенностях крестьянской религиозности, которая, в отличие от религиозности просвещенных слоев, приземлена, имеет более утилитарный, обрядовый характер. Сложные догматы и этические тонкости христианства были недоступны крестьянину, пытающемуся с помощью религии дать объяснение событиям и явлениям, из которых непосредственно состоит его жизнь¹⁰.

В то же время религия с ее важнейшими моральными заповедями, выработанными человечеством, служила главным регулятором социальных отношений крестьянства, в том числе посредством регламентирующей эти отношения *о б р я д н о с т и*. Правительственная политика охранения существующего типа религиозности и образования, консервации патриархальных устоев деревни входила в противоречие с порождаемыми капитализмом новыми формами поведения и предъявляемыми рынком требованиями к социальной мобильности крестьянства. Обрядовая религиозность и ограниченное просвещение не могли удовлетворить новых духовных (порождаемых расширяющимся спектром социальных) запросов крестьян, разрешить больные вопросы, возникающие в ситуации ценностного кризиса. Епископ Костромской и Галичский Евгений в своем отчете за 1914 г. писал: «Современная жизнь, так усложнившаяся и все развивающаяся, нередко предъявляет пастырям такие запросы, ответить на которые возможно только при достаточном образовании. Теперь, с развитием грамотности в народе, даже к сельским пастырям прихожане все чаще начинают обращаться уже не только за исправлением треб, но и за разрешением своих недоумений и сомнений в религиозно-нравственных вопросах, причем иногда таких сложных и трудных, что дать ответы на них невозможно без соответствующего образования»¹¹. Там же отмечалось, что средний уровень образования духовенства епар-

хии недостаточно высок, лица с высшим образованием встречаются как редкие единичные исключения¹².

В то же время рост миграционных процессов, отходничества, промыслов, новые социально-экономические интересы, постепенное распространение образования приводили к ослаблению влияния на крестьянство патриархально-религиозных общинных традиций, расширяли его кругозор, способствовали распространению религиозного индифферентизма. Новым явлением в крестьянской ментальности стало ослабление религиозности, фиксируемое этнографами на протяжении всего XIX в. и особенно отчетливо выявившееся в начале XX в.¹³ Прежде всего это касалось молодого поколения. По единодушному признанию церковных архиереев, основным каналом распространения религиозного индифферентизма среди крестьянской молодежи были отходы на фабрики и промыслы в столицах и больших городах¹⁴. Там молодежь не только освобождалась от контроля общины (следившей и за нравственностью своих членов, и за исполнением церковных обрядов), находясь, как правило, в провоцирующей моральную распущенность бытовой ситуации, но и подвергалась идейному воздействию со стороны интеллигенции, пропагандистов социалистических теорий.

В начале XX в. в деревне впервые стал проявляться конфликт отцов и детей, обусловленный разным социальным опытом и кругозором поколений. По мнению Т. Г. Леонтьевой, «молодежь в значительной степени становилась носителем “контркультуры” в деревне»¹⁵. В среде молодежи появились такие невиданные ранее явления, как кошунственные выходки по отношению к церкви и ее служителям. Книга И. А. Родионова «Наше преступление», вышедшая в период Первой русской революции, содержала примеры столь изощренных форм крестьянского богохульства, что преподаватели церковных академий стеснялись цитировать некоторые места из нее студентам¹⁶.

В отчетах архиереев отмечалось, что часть крестьян не соблюдает религиозные предписания, проявляет непочтение к священнослужителям. В «Отзывах епархиальных архиереев» летом 1905 г. почти все архиереи русской церкви высказывали свою озабочен-

ность тем, что миряне в основном не понимают богослужения, предлагали литургические реформы, а часть из них выступила за перевод богослужения на живой русский язык. Кроме того, «Отзывы» содержали требования реформ, направленных на освобождение церкви от государственной зависимости¹⁷. Задавленность нуждой, недостаточная образованность сельского духовенства, отсутствие автономии и широкого самоуправления прихода, неспособность церкви играть самостоятельную роль в общественной жизни препятствовали развертыванию истинно пастырских форм религиозной деятельности священнослужителей, требуемых временем.

Крестьяне воспринимали священников как представителей власти и переносили на них свое недовольство существующим положением, мерами правительства. Раздражение крестьян вызывали защита священниками помещиков и властей, их поборы (особенно ощутимые в бедных приходах), конфликты на почве арендных отношений, сам факт существования церковного и монастырского землевладения, против которого крестьяне активно выступили в годы Первой русской революции (требования об изъятии церковных и монастырских земель содержались в трехстах пятидесяти приговорах и наказах крестьян, направленных царю, Государственной думе и другим учреждениям¹⁸). Отсутствие опыта независимого существования, серьезного морального авторитета церкви и ее представителей в глазах народа снижали возможности ее влияния на массы в условиях революционных потрясений начала века. Радикализм отдельных священников, поддерживавших крестьян, не мог предложить ничего, кроме двух основных поведенческих стереотипов — смирения и бунта. Кризис официальной церкви и православной религиозности проявился также и в распространении сектантства в крестьянской среде. По некоторым данным в начале XX в. в России было не менее пяти миллионов членов различных сект, а вместе со старообрядцами их численность составляла тридцать пять миллионов человек¹⁹. Количество членов различных сект (штундо-баптистов, евангелистов, хлыстов и др.) продолжало в отдельных местностях неуклонно расти вплоть до начала Первой мировой войны, не прекращаясь в годы войны (хотя

в это время наблюдался и обратный процесс возвращения сектантов в лоно церкви).

Обострение на рубеже XIX—XX вв. аграрного вопроса, угроза раскрестьянивания, порождаемая капитализмом, определили актуализацию у крестьян основных свойств общинной ментальности и соответствующих стереотипов поведения. Сердцевиной трудовой этики крестьянства, всей системы их воззрений является принцип уравнительного трудового землепользования. Он основан на восприятии земли как сакральной ценности, источника жизни и самого права на существование крестьянина. Земля рассматривалась крестьянами как Божий дар (дар природы), принадлежащий всем, кто обрабатывает ее своим собственным трудом. Традиционное крестьянское мировосприятие, исходя из этого, исключает правомерность частной собственности на землю. Более того, в понимании крестьян собственностью человека является только то, что создано личным трудом.

В России, с ее слабыми предпосылками буржуазного развития, православной духовной традицией (отрицающей праведность частной собственности), ростом после освобождения численности малоземельных и безземельных крестьян, этот аспект традиционной крестьянской ментальности приобрел форму стойкого убеждения крестьян в том, что земля — ничья, земля — Божья. Право на существование и возможность выживания для крестьянина дает труд на земле. Поэтому землевладение в сознании крестьян неразрывно связано с трудовым принципом (этим, в частности, объясняется неприятие российским крестьянством необходимости выкупа «своей» земли и отрезков от нее по реформе 1861 г.) В условиях, когда производительные силы крестьянского хозяйства оставались в целом палеотехническими (господствовало трехполье, свыше половины крестьян не имели плугов, почти не использовались минеральные удобрения и т. д.²⁰), от плодородия почвы и размеров надела зависело не только их благосостояние, но и выживание (в неурожайные годы). Аграрное перенаселение (не компенсируемое ни отходом в город, ни переселением за Урал), сокращение душевого надела снижали степень устойчивости крестьянского хозяйства в условиях втягивания его в рынок и неурожаев.

В обстановке голода 1901—1902 гг., развертывания в деревне пропагандистской деятельности политических партий крестьяне перешли к активным формам борьбы за землю, за утверждение своего понимания справедливого землеустройства. «Грабижка» помещичьих имений в ходе аграрного террора 1902 г. была, по представлению самих крестьян, способом заявить о своих нуждах той высшей силе, которая должна была удовлетворить их справедливые чаяния. Для одних это был по-прежнему царь, для других — смутный образ какой-то новой силы, на которую они начинали надеяться²¹. Под влиянием революционной агитации, прежде всего эсеровской (чья программа в наибольшей степени выражала парадигмы крестьянского сознания), начали выкристаллизовываться требования крестьянской программы преобразований, с наибольшей полнотой выраженные в период приговорного движения 1905—1907 гг. Об огромной восприимчивости крестьян к прокламациям в этот период (в отличие от 90-х гг. XIX в.) свидетельствовал, в частности, активный участник событий В. Г. Короленко²².

Вопрос о хозяйственной мотивации российских крестьян был предметом дискуссии экономистов-аграрников того времени²³. Представители организационно-производственного направления (А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров и др.) полагали, что мотивация производства в крестьянском хозяйстве носит потребительский характер, его главная задача — покрыть годовой потребительский бюджет семьи. При этом определяющими являются потребности едоков, для удовлетворения которых организуется труд работников²⁴. С точки зрения общих социально-экономических процессов рассматривали крестьянское хозяйство Н. Н. Гиммер (Суханов), П. И. Лященко, С. Н. Прокопович и другие экономисты-марксисты, придерживавшиеся во многом противоположных позиций. Они считали, что помимо потребительской существует «приобретательская» (собственническая) мотивация хозяйственной деятельности крестьянина, играющая важнейшую роль. В хозяйствах с преимущественно денежным бюджетом она является определяющей, а получение денежного дохода может выходить на первое место как цель производства.

Однако, по данным А. Н. Челинцева, непотребительский характер в начале века носили примерно 2—5 % крестьянских хозяйств²⁵. Можно утверждать, что трудопотребительский баланс лежал в основе организации подавляющего большинства крестьянских хозяйств как хозяйств семейного, некапиталистического типа. Товарно-денежные отношения развивались крестьянами, как показали представители организационно-производственного направления, анализировавшие семейные бюджеты, ради поддержания жизнеспособности собственного хозяйства. Лелея мечты об улучшении хозяйства, крестьяне, как отмечает А. В. Гордон, все же были весьма далеки от капиталонормативных установок на расширение производства. Суть их деятельности по расширению хозяйства — создание страхового производственного фонда как гарантии от стихийных бедствий или создание наследственного фонда для выдела взрослеющих членов семьи, т. е. осуществление все той же стратегии выживания. Даже относительная зажиточность и значительные поставки на рынок не изменяли природу крестьянского хозяйства, если его члены добивались улучшения своего потребления²⁶.

Сохранение традиционной трудовой мотивации (наряду с общинным землевладением и землепользованием) препятствовало проникновению в крестьянскую среду ценностей модернизации как элементов буржуазного мирозерцания. Качественных сдвигов в представлениях крестьян, которые давали бы «санкцию» на предпринимательство, не произошло. Автономная природа крестьянской жизни во многом сохранялась. Отрицание ценности денег, богатства, нажитых неправедным путем, ощущение их греховности пронизывает многие русские пословицы (по характеристике З. В. Сикевич, своего рода этностереотипы, отсеянные временем и отложившиеся в народной памяти²⁷), имевшие хождение среди крестьян: «Когда деньги говорят, тогда правда молчит», «Через золото слезы льются», «Деньги, что камень: тяжело на душу ложатся», «Пусти душу в ад, будешь богат», «В аду не быть — богатства не нажить», «Богатому черти деньги куют» и др.²⁸

Размывание религиозной основы народного мировоззрения, происходившее в ходе модернизации, подтачивало легитимирую-

щие монархию установки сознания, связывающие воедино власть Бога и царя. Традиционные социально-политические представления крестьян строились на дихотомии «мы — они», где силы добра («мы») включали, кроме самих крестьян, Бога и царя, а силы зла («они») — господ, которые воспринимались как слуги дьявола. Власть царя и государство с его структурами и конкретными представителями крестьянами не просто разделялись, но противопоставлялись. Войны, голод, болезни, стихийные бедствия традиционно расценивались крестьянами как преддверие «последних времен», когда будет происходить вселенская битва сил Добра и Зла, Правды и Кривды. Реализация идеала Правды требовала активного участия крестьян, помощи царю в борьбе с господами, что во многом определяло их поведение во время волнений. Как показывают источники и данные специальных исследований, эти представления были чрезвычайно устойчивыми, проявляясь в поведении крестьян в годы Первой русской революции, Первой мировой войны и Революции 1917 г. С наступлением мировой войны крестьяне связывали надежды на близкую реализацию идеала «воли». Так, симбирский губернатор осенью 1916 г. напоминал своим подчиненным о «золотой грамоте» царя, которая, по представлениям крестьян, передаст им бесплатно все господские и казенные земли, и особенно после войны²⁹.

В то же время можно утверждать, что из революционных потрясений начала века крестьяне вышли с ослабленными монархическими настроениями, а их монархизм претерпел определенную эволюцию. Комплекс коллективного бессознательного, определяющий восприятие царя как покровителя, переносится на конкретную фигуру самодержца до тех пор, пока не накопится определенная критическая масса реального опыта взаимодействия с ним, результаты которого расходятся с образом «должного». В свою очередь, критическая оценка опыта взаимодействия с царем-покровителем бывает подготовлена определенным ценностным диссонансом, возникающим вследствие дискомфортного изменения социальных и культурных условий существования крестьянства. Тогда адаптивная функция этого образа ослабляется и начинают

ся интуитивные поиски другого ее носителя, способного выполнять аналогичную роль.

Первым реальным опытом взаимодействия крестьянства и царя, обнаружившим (в противовес господствовавшим массовым представлениям) иное, чем у крестьян, понимание царем справедливого землеустройства, была Крестьянская реформа 1861 г. Но крестьянство тогда, руководствуясь своей мифологемой, не поверило в истинность царской воли, традиционно относя ее искажение к «проискам» помещиков и чиновников. Поэтому все крестьянские выступления против условий освобождения происходили под лозунгом о «подменной» воле³⁰. Вторым таким опытом были результаты прямой апелляции народа к царю о своих нуждах 9 января 1905 г. (хотя и на этом этапе крестьяне еще находили оправдание царю, иллюзорно трактуя события).

Определенный ущерб монархическим чувствам и настроениям крестьян нанесла Русско-японская война 1904—1905 гг., которая не имела в их глазах никакого позитивного смысла. Она не была войной за православную веру, а главное — не вела к приращению пригодной для обработки земли. Реализация этих задач являлась существенным оправданием не только любой войны и ее жертв в глазах крестьян, но и самого существования Российской империи, царской власти³¹. Типичным рассуждением крестьян в годы японской войны было следующее: «А эту землю, если царь и завоюет, — то она нам не годится... Гора да камень. Наши хлеба там не растут, а что там растет, то для нас непривычно. Переселяться туда незачем»³². По словам бывшего царского солдата из крестьян С. Ф. Ершова, солдаты не понимали, зачем они воюют на китайской земле, когда своей земли в России достаточно³³. Бездарность командования войсками, предательство и казнокрадство воинских чинов, позорные поражения также сделали эту войну чрезвычайно непопулярной в народе, снизили авторитет власти Николая II в глазах не только образованного общества, но и масс.

Однако наиболее ощутимый удар по образу царя — защитника крестьян был нанесен Столыпинской аграрной реформой, поправшей традиционные крестьянские представления о справедливости. Не случайно крестьянские выступления против столыпинского

землеустройства в 1907—1914 гг. по численности занимали второе место после выступлений против помещиков³⁴. В то же время они носили более широкий характер, чем можно судить об этом на основании имеющейся статистики, так как крестьяне, как показал П. Н. Зырянов, предпочитали в своей борьбе против реформы использовать мирные и «внутриобщинные» средства³⁵. По мнению Ю. П. Бокарева, Столыпинская реформа, которая нанесла удар по крестьянскому представлению о справедливом землеустройстве, окончательно развела царизм и основную массу крестьянства, вызвав мощный подъем революционного движения крестьян, приведший в конце концов к Октябрю³⁶.

Для части крестьян в период революционных потрясений начала века наметилась тенденция негативного отношения к конкретному носителю царской власти — Николаю II. Косвенным свидетельством этого может быть тот факт, что в начале XX в. увеличилось количество судебных дел по обвинению крестьян в «заочном оскорблении государя-императора»³⁷. Однако необходимо отметить, что отвержение плохого правителя вполне укладывалось в рамки традиционалистской ментальности. Другой характерной тенденцией было перенесение сакральных свойств с одной ипостаси социального абсолюта, т. е. власти царя, на другую — народ³⁸. Последнее воплощалось в идее прямого народного правления и было характерно для наиболее радикальной, политизированной части крестьян, воспринявшей социалистическую агитацию.

В то же время образ царя-защитника вплоть до Революции 1917 г. отнюдь не был вытеснен из массового сознания крестьянства, остававшегося архетипически авторитарным, вполне предрасположенным к восприятию (при необходимости) нового культа правителя — выразителя сакральных ценностей. Патриархально настроенные крестьяне верили в своего царя — народного защитника от притеснителей-господ. Недаром некоторые крестьянские выступления против помещичьей собственности в годы Первой русской революции были мотивированы ссылкой на якобы имевший место царский приказ об отобрании земли у помещиков³⁹. Есть сведения о том, что крестьяне подавали прошения об отмене Столыпинской реформы на «высочайшее» имя, что также свиде-

тельство о сохранении в их среде монархических настроений⁴⁰. По мнению Л. В. Даниловой и В. П. Данилова, наиболее радикальные перемены крестьянская ментальность претерпела в России в начале XX в. в сфере государственно-институциональных представлений. Суть изменений состояла в том, что крестьянский менталитет стал республиканским с решительным отрицанием любой возможности единовластия (хотя бы в виде президентства), возобладала идея прямого и непосредственного участия народа в управлении государственными и местными делами, что отвечало духу общинного менталитета крестьянства⁴¹.

На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с этим мнением, так как отказ крестьянства от монархической формы государства в 1917 г. нельзя рассматривать как свидетельство превращения крестьянского менталитета в республиканский. Понимание демократии и республики крестьянами, солдатами, значительной частью рабочих России было весьма своеобразным и значительно отличалось от понимания этих терминов образованными слоями⁴². Так, демократия отождествлялась с понятием «народ», «трудящиеся классы» и никак не ассоциировалась с парламентаризмом. Внешнее отрицание царской власти, антимонархические настроения не привели к качественным изменениям глубинных структур народного (крестьянского по своему происхождению) менталитета, формирующего отношение к власти. Общинный архетип крестьянского сознания и психики с его сильным авторитарным началом был чрезвычайно устойчивым. На нем веками базировалась патерналистская по своей сути государственная система России. Монархическая ментальность в значительной степени сохранилась, приобретя в новых условиях иную форму выражения — потребность в авторитарном вожде, носителе харизмы, замешанной уже не на православии, а на социализме. И мирская, земская, и авторитарная (этатистская) парадигмы сознания крестьянства сосуществовали, выступая в качестве двух подсистем крестьянского сознания, сформированных в процессе исторического взаимодействия (почти всегда конфликтного) «большого» общества — государства и локального сообщества — общины (мира).

Новые тенденции в процессе эволюции крестьянской ментальности, особенно явственно обнажившиеся в период Первой русской революции, сигнализировали о начале коррозии ряда базовых ценностей крестьянства, изменении структуры его сознания в пользу революционно-обновленческих идей и представлений⁴³. На наш взгляд, можно согласиться с выводом, сделанным О. Г. Буховцом, о том, что «совокупным результатом действия факторов “модернизаторского” типа и явился тот факт, что борьба миллионов крестьян в 1905—1907 гг. впервые в истории пореформенной России перестала носить исключительно экономический характер и поднялась по ряду параметров до уровня политического движения»⁴⁴. Крестьянское движение в период Первой русской революции определялось сложным комплексом взаимодействующих факторов разного характера: долговременного (нерешенность аграрного вопроса, неадекватность трансформации социального уклада деревни под воздействием капитализма крестьянским представлениям о справедливости и справедливом землеустройстве, воздействие города и городской культуры), ситуативного (события революции, Русско-японской войны), ментального (не только стереотипы и модели традиционного поведения во время бунта, обусловленные спецификой крестьянской ментальности, но и преломление всей информации, поступающей в деревню, через призму крестьянского мировосприятия). Поэтому, на наш взгляд, к его анализу необходимо подходить не только с учетом мировых достижений в исследовании традиционного крестьянского поведения во время бунта, но и конкретно-исторически⁴⁵.

Крестьянство испытывало затруднения в ориентации в системе изменившихся отношений с внешним — «большим» миром, в которой привычные установки восприятия действительности порой оказывались недостаточными либо не срабатывали. Традиционное крестьянское сознание в условиях модернизации страны на рубеже XIX—XX вв. переживало кризис. Имел место и кризис социальной идентичности крестьянства, а по мнению некоторых авторов, — культурный шок⁴⁶. В этих условиях сельская община («мир») выполняла важнейшую функцию психологической и со-

циальной защиты, ее сохранение позволяло крестьянам не только поддерживать социальную идентичность, но и выстраивать отношения с внешним, чужим для них, миром⁴⁷. Это определяло устойчивость базовых общинных ценностей и представлений крестьян в условиях социальных трансформаций начала XX в. Таковыми для подавляющей части российских крестьян оставались ценности социальной справедливости, уравнительного распределения жизненных ресурсов, представление о трудовом уравнительном землепользовании как гарантии справедливых общественных отношений, вера в вождя-покровителя и ряд других⁴⁸. Специфика социокультурного облика крестьянства была одним из факторов, определявших устойчивость отношений и структур традиционного общества, замедленность процесса формирования буржуазной нации в России. Актуализация, зачастую в модифицированной форме, основополагающих представлений крестьян, с которыми они связывали само право на свое существование в условиях форсированной модернизации, определяла массовые стратегии поведения, идущие вразрез с той моделью буржуазных преобразований, которую осуществляла правящая элита.

¹ Репина Л. П. Историческая наука и современное общество // Нов. образ ист. науки в век глобализации и информатизации. М., 2005. С. 9.

² См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 48, 52.

³ См.: Россия, 1913 г. Статистико-документальный справ. СПб., 1995. С. 219.

⁴ См.: Там же. С. 23.

⁵ См.: Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 28—29.

⁶ См.: Хромов П. А. Экономическая история СССР. М., 1982. С. 206.

⁷ См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX в. М., 2004. С. 114-165, 556.

⁸ См.: Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России, XIX—XX вв. М., 1997. С. 23.

⁹ См.: РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2658, л. 70.

¹⁰ См.: Современные концепции аграрного развития // Отеч. история. 1993. № 6. С. 93.

¹¹ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2645, л. 30—31.

¹² См.: Там же, л. 29.

¹³ См.: *Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теорет. основ этнопсихологии и их применения к анализу ист. и этнограф. материала. СПб., 1994. С. 193.

¹⁴ См.: РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2645, л. 40—41; д. 2646, л. 23; д. 2651, л. 37; д. 2658, л. 70.

¹⁵ *Леонтьева Т. Г.* Вера или свобода?: Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в.: На материалах Тверской губернии // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 96.

¹⁶ См.: *Булавин М. В.* Православие и общественное движение в России в начале XX в. // Общественное согласие в российской действительности: уроки истории и современность. Екатеринбург, 1998. С. 26.

¹⁷ См.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 27.

¹⁸ См.: *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965. С. 19.

¹⁹ См.: *Булдаков В.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 25.

²⁰ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6. М., 1968. С. 299—300.

²¹ См.: *Короленко В. Г.* Земли! Земли! // Новый мир. 1990. № 1. С. 178.

²² См.: Там же. С. 174.

²³ См., например: *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 5—19; *Овчинцева Л. А.* Русские экономисты-аграрники начала XX в. о хозяйственной мотивации крестьян // Из истории эконом. мысли и народ. хоз-ва России. М., 1993. С. 87—98.

²⁴ См.: *Чаянов А. В.* Указ. соч. С. 10—19, 43.

²⁵ См.: *Овчинцева Л. А.* Указ. соч. С. 93.

²⁶ См.: *Гордон А. В.* Тип хозяйствования — образ жизни — личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 130.

²⁷ См.: *Сикевич З. В.* Национальное самосознание русских: Социол. очерк. М., 1996. С. 98.

²⁸ Пословицы русского народа: Сб. В. Даля. Т. 1. М., 1989. С. 67—69.

²⁹ См.: *Карнишин В. Ю.* Прелюдия Февраля: Влияние Первой мировой войны на массовые настроения провинциального общества // Февральская революция и судьбы демократии в России. Ставрополь, 1998. С. 44.

³⁰ См.: *Бокарев Ю. П.* «Умом Россию не понять»: поведение крестьян в революционную эпоху // Революция и человек: Социально-психол. аспект. М., 1996. С. 88.

³¹ См.: *Яковенко И. Г.* Прошлое и настоящее России: Имперский идеал и национальный интерес // Полис. 1997. № 4. С. 90.

³² Цит. по: *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 181.

³³ См.: *Ершов С. Ф.* Страницы прошлого: Записки старого солдата. Л., 1962. С. 63.

- ³⁴ См.: История СССР с древнейших времен... С. 451.
- ³⁵ См.: *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907—1914 гг. М., 1992. С. 146, 149.
- ³⁶ См.: *Бокарев Ю. П.* Указ. соч. С. 91.
- ³⁷ См.: *Кабытов П. С.* Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. М., 1988. С. 56.
- ³⁸ Идею о тождестве этих двух номинаций и возможности их взаимозаменений высказал И. Яковенко в ст.: *Яковенко И.* Россия. Интеллигенция. Революция // Свобод. мысль. 1992. № 11. С. 36.
- ³⁹ См.: *Кабытов П. С.* Указ. соч. С. 56—57.
- ⁴⁰ См.: *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴¹ См.: *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Указ. соч. С. 37.
- ⁴² См.: *Колоницкий Б. И.* «Демократия» как идентификация: К изучению политического сознания Февральской революции // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 114—115; *Поршнев О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 216—231.
- ⁴³ См.: *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: Новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 140—225.
- ⁴⁴ Там же. С. 67.
- ⁴⁵ Нами в соавторстве с С. В. Поршневым было проведено специальное исследование, где на основе использования математических методов обработки статистических данных был показан сложный характер динамики крестьянского движения, не укладывающийся в рамки алгоритма традиционного бунта (см. об этом: *Поршнев С. В., Поршнев О. С.* К анализу динамики социального движения в годы русской революции 1905—1907 гг.: Спектральный подход // Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». № 28. М., 2001. С. 181—193.
- ⁴⁶ См.: *Гордон А. В.* Пореформенная российская деревня в цивилизационном процессе: Размышления о постановке вопроса // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002; *Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания. М., 1996; *Стефаненко Т. Г.* О русской ментальности: Константы и трансформация // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 281—282.
- ⁴⁷ «Ревность» и враждебность к городу проявилась, например, в годы Первой мировой войны, когда выступления крестьян против реквизиций хлеба по твердым ценам мотивировались широко распространенным среди них убеждением, что хлеб пойдет не на фронт, а рабочим оборонных заводов, укрывавшимся, по их мнению, от мобилизации, а также земскому начальству, которое перепродает хлеб частным скупщикам (см.: ГАРФ, ф. 102, оп. 125, д. 15, ч. 2, л. 1; ч. 3, л. 4, 8; д. 50, ч. 3, л. 19, 23; ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 333, л. 252, 280, 296, 297, 298; д. 334, л. 8, 11, 26; д. 1040, л. 4).
- ⁴⁸ См.: *Поршнев О. С.* Указ. соч. С. 68—116.